

РАЗДЕЛ IV. СЕМИОТИКА: МИР КАК ТЕКСТ

ББК 83.3(2)
УДК 82-14:82-6

*А. В. Петров¹,
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
alexpetrov72@mail.ru*

**«НА НОВЫЙ 1842-Й ГОД» А. В. КОЛЬЦОВА:
ОПЫТ КОНТЕКСТНОГО ПРОЧТЕНИЯ
«ПОСЛЕДНЕГО СТИХОТВОРЕНИЯ»**

В статье описываются контексты, в которых раскрываются смыслы стихотворения А. В. Кольцова «На новый 1842-й год»: жизнь и творчество поэта, его письма, русская эоническая поэзия, «последние стихотворения» русских поэтов. Тяжелейшие жизненные коллизии и общение с критиком В. Г. Белинским оказывают прямое воздействие на условную (не только романтическую) поэтику Кольцова, движущегося к «поэзии действительности».

Ключевые слова: А. В. Кольцов, новогодняя (эоническая) поэзия, «последнее стихотворение», контекстный анализ, 1841–1842 годы, эпистолярный, романтизм, литература и действительность

Стихотворение Алексея Васильевича Кольцова (1809–1842) «*На новый 1842-й год*» (1 янв. 1842 г., полночь) [4, 123–124] необычно. И не только потому, что это единственное у него новогоднее стихотворение, нетипичное для жанровой системы его лирики. В отличие, например, от замечательных «русских песен» и от философических «дум», этой яркой страницы русской метафизической поэзии (см. [6; 10]), стихи «На новый 1842-й год» далеки и от фольклоризма первых и от «народного христианства» вторых. Необычность их обнаруживает себя в скрещенье нескольких контекстов и метатекстов. Их рассмотрению и будет посвящена данная статья.

---

¹ Петров Алексей Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск

**Круг контекстов: жизнь и творчество – эпистолярный –
жанрово-тематические модулы**

Ближайшими контекстами стихотворения являются, конечно же, *поэтическое творчество Кольцова и его жизнь*. Нас будут интересовать преимущественно последние два года жизненного и творческого пути поэта. В 1841 и 1842 г. Кольцов почти ничего не пишет, измученный физически и душевно многочисленными болезнями и напряженной обстановкой в доме отца, где он живет. За год до смерти в письме (от 23 октября 1841 г.) к своему ближайшему другу критику В. Г. Белинскому Кольцов мельком заметил «<...> в течение шести месяцев три раза я был на пороге гроба» [4, 223]. Те немногие стихотворения (около пятнадцати), которые поэт в это время создает, – суть или «русские песни» (в основном любовные), или философские стихи (среди них – «метафизические» и историософские).

Единственное новогоднее стихотворение в творчестве Кольцова окружено, следовательно, двумя жанрово-тематическими контекстами: *песенно-любовным* и *медитативно-экзистенциальным*. Но что удивительно: оба они выражают необыкновенное жизнелюбие Кольцова, его «земной» романтизм. В том же письме к Белинскому он размышляет о «физическом» и «духовном» в жизни: «<...> Готов до гроба всей душой любить я жизнь духовную, готов обожать и благоветь (sic!) перед теми образами, которые в горькие минуты нашей жизни являются к нам, как ангелы утешители, готов любить и долго и свято красоту земную. Но встретиться вновь милая женщина, эта живая волшебница земной действительности, несмотря на слабое моё тело, упаду опять весь в её горячие объятия, – и умереть, когда это будет необходимо. <...>» [4, 222]. Мысли о смерти и о любви, этих вечных антиподах, становятся лейтмотивными в его письмах 1841–1842 гг.

«Милая женщина» – это Варвара Григорьевна Лебедева, вдова свободных нравов («свободна как воздух»), роковая красавица («<...> что за женщина – дьявол сущий!» [4, 215]), с которой Кольцов сблизился после своего возвращения в Воронеж в феврале 1841 г. О ней мы тоже узнаём из *писем* поэта – ещё одного значимого контекста (см. [2]). Письма Кольцова, особенно к Белинскому, дают богатый материал, который позволяет, в частности, сопоставить реальные события из жизни поэта, его переживания с их художественной версией, соотнести индивидуально-авторские образы и условные жанровые формулы.

Помимо Белинского, основными адресатами писем были петербургские и московские литераторы: А. А. Краевский,

В. Ф. Одоевский, П. А. Вяземский, В. П. Боткин и др. За этими фигурами стоит контекст всей *современной* Кольцову русской литературы, круг его чтения, литературный быт (см. [2]). Непосредственной частью этого последнего и является стихотворение «На новый 1842-й год». Оно не предназначалось для печати и было вписано в письмо (от 27 февраля 1842 г.) к Боткину, известному критику и очеркисту, второму после Белинского поверенному душевных ран и тайн Кольцова. Здесь же, в письме – редкий случай в истории русской новогодней поэзии – поэт сам и прокомментировал содержание своего произведения, и дал ему оценку.

Новогодняя лирика – это следующий, и очень обширный, жанрово-тематический контекст. По нашим подсчётам (а считаем мы с 1703–1705 гг., когда пастор Эрнст Глюк перевёл на русский язык два новогодних лютеранских гимна и тем положил начало русской новогодней поэзии; см. [7, 44–49]), Кольцов замыкает седьмой десяток тех поэтов в России, которые написали хотя бы по одному зоническому стихотворению. Поэтов же, которые в стихах прощались с 1841 и встречали 1842 год, совсем немного: В. К. Кюхельбекер, Я. К. Грот и П. П. Ершов (см. [1]). Укажу на странный факт: трое из этих четырех авторов написали свои стихи в провинции: Кольцов – в Воронеже, Кюхельбекер – в сибирской крепости Акше, Ершов – в Тобольске. И ещё: три стихотворения из четырех могут быть названы «последними стихотворениями поэта» (место Ершова здесь занимает Грот).

Понятие «Последнее стихотворение» ввёл в литературоведение Ю. В. Казарин [9]. При этом имеется в виду стихотворение не буквально *последнее*, т. е. предсмертное, но *рубежное* – разделяющее/соединяющее «физическую жизнь поэта с его метафизическим существованием», фиксирующее «завершение формирования конкретной поэтической личности». «Последнее стихотворение, – в виде парадокса формулирует Ю. В. Казарин, – не о смерти, но обязательно о ней, потому что формально-содержательная гармония последнего текста поэта осуществляет в конце концов трагическое и светлое единство жизни, смерти и любви» [9, 39]. И хотя, на наш взгляд, такая гармония присутствует далеко не в каждом «последнем тексте», согласимся с исследователем в том, что у Поэта всегда есть «уже написанное Последнее стихотворение» [9, 17] (см. также: [11]).

Среди нескольких сотен «последних стихотворений», созданных ста русскими поэтами XVIII–XX вв. и включенных Ю. В. Казариным в его антологию, единственное новогоднее принадлежит А. В. Кольцову. Однако, как я уже говорил, этот ряд

(контекст) – *последних новогодних стихотворений* – легко продолжить, именно в силу жанровой специфики *эонических* (от греч. αἰών («эон») – 'век, вечность'; термин предложен В. К. Третьяковским в 1752 г.) стихов. И здесь не важно, пишет ли такое стихотворение масон В. И. Майков («Стихи на 1777 год»), ссыльный декабрист В. К. Кюхельбекер («При исходе 1841 года») или поэт-модернист М. И. Цветаева («Новогоднее», 1927). Все они – *рубежные*.

1841/1842

Логично остановиться на двух стихотворениях, авторы которых, так же как и Кольцов, откликнулись стихами на смену 41-го года 42-м и которые можно назвать «последними» в известном уже нам значении.

Стихотворение Грота «Встреча Нового года» [13, 360–362] было опубликовано в популярном детском журнале А. О. Ишимовой «Звездочка», но скорее могло напугать ребенка, чем создать ему праздничное настроение. Перед нами религиозно-нравоучительная сценка-диалог. Сюжет её начинается со стука в дверь: Бог (!) велел Новому Году явиться к мальчику Саше, пока Старый Год ещё «собирается» в «дальнюю дорогу», пока, иными словами, ещё есть Время – исправить ошибки и покаяться. Именно об этом «гость крылатый» из иного мира, так просто, по-своейски постучавший в дверь, хочет «потолковать» с мальчиком. На вопрос Саши «Куда же Старый Год в дорогу?» Новый Год отвечает:

Туда, мой друг, куда ты сам
И все отправитесь вы – к Богу,
Чтоб дать отчет подробный там:
Что здесь вы делали, как жили,
Как здесь вы каждый день и час
И каждый миг употребили...

Надо сказать, что *сакральность* самого момента, «*пограничность*» ситуации – перехода из «старого времени» в «новое», *новогодний suspense*, так сказать, ощущавшийся теми же поэтами XVIII в., у Грота почти не выделены, а ведь Старый Год направляется в *Инобытие*, куда «отправятся» «все» и где он (точнее, люди, о делах которых он будет рассказывать) предстанет перед лицом Божьего Суда:

Он должен в небе описать
Все, все, что видел, слышал – даже
О малых детях все сказать...
Теперь подумай, мой приятель:
Как в том году ты вел себя?
Молись, молись, чтобы Создатель
Не прогневился на тебя,

Когда к престолу Благодати
Придет отсюда Старый Год
И о недобреньком дитяти
Рассказ при ангелах начнет.

Испуганный мальчик, как на исповеди, кается в своих грехах: он «без вниманья» «тратил утро, вечер, день», «учился без старанья», был суетен во время молитвы, нещедролюбив, непослушен, лгал, чревоугодничал и, главное, «как мало / Добра я сделал в целый год!».

Итак, христианский взгляд на праздник новолетия выражен Гротом азбучно-наглядно, и от лица мальчика Саши он приветствует Новый Год традиционной для этого жанра молитвой, прося у него «новых сил».

Но и мальчик Саша с его «грехами», и, наверно, сам Я. К. Грот вряд ли могли себе представить, с каким чувством в то же самое время обращался к Богу находившийся в далёкой Сибири поэт-декабрист [5, I, 305]:

Что скажу я при исходе года?
Слава богу, что и он прошел!
Был он для изгнанника тяжел.
Мрачный, как сибирская природа.

Это обращение почти незаметно, потому что давно стало междометием: *Слава Богу*. А ведь это – молитва, в которой христианин ничего у Бога не просит, а только славит его; произносится она «по окончании дела в знак нашей благодарности Богу за Его милости нам» [3, 65]. Божьей милостью для Кюхельбекера стало простое завершение года. Парцеллированный синтаксис последних двух стихов позволяет – буквально, вместе с автором – ощутить груз Времени, усталость, накопившуюся за год, который наконец «прошел». Но в своей молитве ссыльный поэт всё равно славит Бога. Это *Слава Богу* стоит, я думаю, державинской оды «Бог», столь ценимой Кюхельбекером.

Религиозные чувства поэта – очень личные, его молитва – для себя и про себя. Элегические настроения и мотивы – разочарование, усталость, тоска – здесь даже не обертона и тем более не «общие места», а выражение лично пережитого:

Ноша жизни однозвучной, вялой,
Цепь пустых забот и мук и снов,
Глупый стук расстроенных часов,
Гадки вы душе моей усталой!

Такой, каждодневно ощущаемый трагизм собственного существования требует простых, «нелитературных» форм выражения. Помимо разговорных интонаций, это и антипоэтизмы – прозаический, конкретно-бытовой образ «глупого стука расстроенных часов», и почти физиологическое ощущение тошноты, переданное словом «гадки».

Со схожей проблемой – назову её: *метафизика «последнего стихотворения»* – столкнулся и Кольцов:

1) есть *бытовая* ситуация – праздничная пирушка в кругу московских друзей-литераторов под новый 1841 год и встреча 1842 года дома, в Воронеже;

2) есть ситуация *бытийная* – новолетие: сначала 1841, через год – 1842 (до 1843 поэт не дожил два месяца);

3) есть ситуация *экзистенциальная*, причём включающая в себя почти полный набор «пограничных ситуаций», как их будет описывать К. Ясперс: «<...> я должен умереть, должен страдать, должен бороться, я завишу от случайности, я с неизбежностью обнаруживаю собственную вину» [14, 21]. Великий немецкий философ смысл их видел в том, чтобы «в ситуации крушения обрести путь к бытию», и напоминал, что «спасение и освобождение» предлагает религия [14, 25]. Русский поэт-романтик, и это –

4) ситуация *творческая* – ищет художественные формулы и форму, чтобы всё это описать.

«Уж встретили новый год по-русски...» vs.

«Тяжёлый год, тебя уж нет, а я ещё живу...»

В пространным и во многом исповедальном письме от 27 февраля 1842 г. к Боткину Кольцов описывает обстоятельства создания стихотворения, своё физическое и душевное самочувствие в этот момент и даёт своему произведению оценку: «Писать – ничего не пишу, не в состоянии. “На новый год” написал больной в минуту горькой скуки, и вам их посылаю. Гадость, но они вам напомнят чудесную ночь, проведенную у вас многими. Если вам подобные вещи не интересны, то для меня это воспоминание весьма дорого. Читать – мало читаю, не могу: слаб, и памяти нет. <...> Убиваю время так, кое-как. <...> Необходимое есть – и довольно. Забочусь о здоровье...» [4, 241].

С одной стороны, воспоминание о «чудесном» прошлом в минуту «горькой скуки» – ситуация и чувства вполне элегические, с другой – и они, и праздник новолетия, и болезнь суть феномены бытийные. А «гадость» здесь – это прежде всего состояние духа поэта (не случайно это слово «рифмуется» с «гадки» у Кюхельбекера), но также и остраняющая оценка непривычной для Кольцова темы и поэтики.

Сама «чудесная ночь» описана в письме к Белинскому (от 10 января 1841 г.): «Накануне нового года Василий Петрович <Боткин. – А. П.> придумал дать вечер – встретить новый год и день его ангела <Боткин родился 27 декабря 1811 г. – А. П.>. Людей собралось к нему довольно. Вот вам полный реестр: Грановский, Крылов, Крюков, Кетчер, Красов, Ключников, Щепкин, Боткин, Сатин, Клыков, Лангер, Иван Иванович, Иван Петрович и я грешный. И как ударило двенадцать часов, так за стол, – и пошло писать: начали есть, пить, и кое-кто перепились мертвецки. Ужин был богатый, вина чудесные: рейнвейн, портвейн, шампанское лилось рекою, и старая мадера Красова сбила с ног. Пили ваше здоровье, – икалось ли вам? Пировали до шести часов утра, а кой-кто начали пение и ударились в пляс, и, знаете, эдак некрасиво, но весьма усердно. До смерти жаль, что вас одних не было на этом дружеском тесном и тёплом кружке. Уж встретили новый год по-русски, как лучше встретить уж нельзя. Я думаю, Василий Петрович разорился рублей на пятьсот, – вот как наши начали гулять» [4, 200].

В стихотворении этот «сюжет» представлен в первых четырех строфах. Поэт изымает из него всю бытовую конкретику: указания на время и повод, имена и названия вин, «некрасивые» последствия излишеств, потраченную сумму, «русскость» празднования. Эмпирия «новолетия по-русски» преобразуется в поэтические формулы, подсказанные прежде всего жанровой традицией дружеских посланий 1810–1820-х гг. «Реестр» приглашенных превратился в «круг знакомых и друзей»; пирушка до шести утра стала «беседой до зари»; разнообразие вин и льющееся рекою шампанское трансформировались в «веселья круговую чашу», неисчерпаемую «всю ночь». О «вакхических» мотивах жанра послания напоминает, кроме того, эмоциональный тон стихотворения. Однако отобразённые эмоции – самые что ни на есть кольцовские, известные по его песням и письмам. «Разгул жизни» – так обозначил смысл праздника и вообще праздничного поведения сам Кольцов в том же письме.

Широко, вольно и безумно,
При звуках бешеных речей, –

с таким настроением встречал поэт 1841 год. При этом содержание двух из этих четырех строф в прозаическом описании праздника в письме не представлено совсем:

Тогда, забывшись на мгновенье,
Вперёд всяк дерзостно глядел,
Своих страстей невольное стремленье
Истолковать пророчески хотел.

В ком сила есть на радость, на страданье,
В том дух огнём восторженным горит,
Тот о своём загадочном призваньи
Свободно, смело говорит.

С одной стороны, мотивы пророчества, вызова судьбе, страстей, переполняющих человека, а также некоторые формулы («дух горит», «восторженный огонь») отсылают и к вольнолюбивой лирике преддекабрьского десятилетия, и к любовной лирике романтизма, и к традиции эонической поэзии. С другой – они встречаются в письмах Кольцова, лично им прочувствованы и пережиты, причем связаны обычно с его любовным увлечением «той женщиной». Ср.: «<...> Но будь, что будет, по крайней мере, я ей <В. Г. Лебедевой. – А. П.> обязан в настоящую пору весьма многим; она возродила меня снова, к жизни, и я теперь начал жить лучше. В душе такая полнота» [4, 216].

Интонации и настроения меняются во второй – элегической – половине стихотворения (строфы 5–8). «Прожитый» год оказался для Кольцова годом-обманщиком, годом-«демоном»:

Но год прошёл: другим звездою ясной,
Другим он молоньей мелькнул;
Меня ж год, встреченный прекрасно, –
Как друг, как демон – обманул!

Откуда пришли к поэту эти образы и эти чувства?

18 декабря 1841 г., отвечая на просьбы Белинского, Кольцов обещал ему: «“Демона” Лермонтова спишу и к новому году пришло; едет наш купец в Питер и сvezёт его». Возможно, именно о гибели М. Ю. Лермонтова идет речь в строке о годе, мелькнувшем «молоньей». 23 октября 1841 г. Кольцов писал тому же адресату: «Лермонтова убили до смерти, это старая новость; но она меня так сильно поразила, что до сей поры не выходит из думы. И жаль, и досадно: только что покажется, хорошо не успеешь полюбить, – как его и нет. Много мы в нём потеряли, незаменимая потеря» [4, 225].

«Дьяволом», напомним, Кольцов называл В. Г. Лебедеву. В одном из писем к Белинскому (от 25 марта 1841 г.) он описывал ее как безусловно ему преданную: «<...> Если я поеду в Питер и захочу, – она поедет со мной. “Куда хочешь – всюду готова” <...>» [4, 216]. Однако уже в письме от 22 июля 1841 г. (которое во всех изданиях печатается в этом месте с купюрами) говорит о её отъезде из Воронежа к некоему «помещику в компаньонки», оправдывая её и сетуя на своё безденежье: «Она права, что уехала: чем же ей было жить? Не воздухом же питаться. Здесь я вполне почувствовал своё нищенство. Она поехала здоровая, а я остался больной. <...>» [4, 219].

Н. Н. Скатов пишет о Лебедевой так: «Овдовев, Варвара Григорьевна вела жизнь вольную, сходясь с разными состоятельными людьми, обеспечивавшими ее существование. <...>» [12, 267].

В шестой строфе говорится о «мученьях горьких» и роковых испытаниях, выпавших на долю лирического героя. И только письма Кольцова свидетельствуют о жизненной достоверности, а не литературности этих строк. Буквально перенесённое из писем выражение «а я еще живу» встречаем в следующей, седьмой строфе:

Тяжёлый год, тебя уж нет, а я ещё живу,
И новый, тихо, без друзей, один встречаю;
Один в его заманчивую тьму
Свои я взоры потопляю...

Ср. в письмах Белинскому и Боткину: «Проживши за тридцать, немного видел я светлых дней, а непогожих целые годы, – а жив ещё» (23 октября 1841 г.); «<...> начнётся весна, и ежели я доживу до ней, конечно: я ещё жилец на свете» (18 декабря 1841 г.); «Чёрное время пережил; силы моей жизни и в самые горькие убийственные минуты поддерживали меня, и я ещё живу и пишу к вам, и силы мои лучшают, – не говорю: духовные, их ещё нет, но я рад пока и физическим» (27 февраля 1842 г.); «<...> тело сколько раз падало, хотело разрушиться, уничтожиться, а я всё живу...» (май 1842 г.) [4, 220, 230, 234, 243].

В седьмой строфе в особенности много контекстов, требующих комментариев.

Как раз на святки и на новый 1842 год пришлась свадьба младшей сестры Кольцова Анисьи Васильевны (подробнее о сложных отношениях с сестрой см. [12, 272–280]). В доме в эти хлопотливые предсвадебные дни постоянно был народ, досаждавший тяжелобольному поэту: «<...> И в эту пору у нас была свадьба, пиры, вечеринки почти каждый день. Комната моя была на самом проходе, через неё с утра до полночи всё ходило, бегало, суетилось, шумело...»; «<...> полы моют то и дело, а сырость для меня убийственна. Трубки благовония курят каждый день; для моих расстроенных лёгких всё это плохо. <...> Прошу не курить, – курят больше; прошу не благовонить – больше; прошу не мыть полов, – моют» [4, 233, 238] (письма Белинскому и Боткину от 27 февраля 1842 г.).

Однако в стихах Кольцов пишет, что встречал он новый год «один», «тихо», «без друзей». На первый взгляд, это всего лишь образно-эмоциональная антитеза к первой – праздничной – половине стихотворения, дань элегической традиции. И вновь смысл поэтических образов помогают раскрыть письма. В них постоянны жалобы Кольцова на *душевное* его одиночество; ср., например,

в письме к Белинскому от 23 октября 1841 г.: «Теперь во всём городе у меня не только нет милова человека, нет даже и такова, с кем можно убивать время, и кто б пришёл ко мне и не был бы мне тяжёл. Конечно, это не житьё, а каторга, и я, что день, больше начинаю чувствовать это убийственное одиночество, пустоту в людях» [4, 223].

Здесь же находим поэтизмы и метафоры «тьма», «взоры» и «потоплять». За ними стоит несколько традиционных для эпитетической поэзии концептов. Прежде всего, это *Смерть* и *Вечность*, образными репрезентациями которых могли стать, например, «кладбище веков» (С. С. Бобров), «гроб столетия» (А. Н. Радищев), «море/океан вечности» (М. В. Ломоносов, В. И. Майков, Е. И. Костров и др.) (см. [7; 8]). Свои «взоры» лирический герой Кольцова устремляет именно туда, куда в стихотворении Грота уходил Старый Год. Однако романтическая традиция (Ф. Н. Глинка, В. К. Кюхельбекер, А. А. Комаров, Ф. И. Тютчев, А. Н. Апухтин) воспрещала заглядывать в будущее (*Инобытие*), и потому «тьма» у Кольцова «заманчивая», а год скрывал «мученья горькие» «за таинственным покровом».

Седьмая и восьмая строфы неожиданно оказываются связаны метрическим рисунком стиха, своего рода ритмическим и интонационным хиазмом: каждый стих седьмой строфы короче предыдущего на одну стопу (7 – 6 – 5 – 4), в восьмой строфе – наоборот, хотя и не так строго (4 – 4 – 6 – 6). Эта формальная структура так же неожиданно, почти графически отображает ход мыслей Кольцова: от постепенного «погружения» в тьму вечности, готовности исчезнуть к ощущению того, что уходит ещё рано, что не всё ещё совершено.

Своей образностью и настроением восьмая строфа напоминает элегию Ленского («Евгений Онегин», 6, XXI–XXII):

Что в ней таится для меня?
Ужели новые страданья?
Ужель, безвременно, из мира выйду я,
Не совершив и задушевного желанья?

Из писем Кольцова мы знаем о двух его задушевных желаниях: уехать из Воронежа в «Питер» и увидеть «ту женщину». А к «безвременному» уходу он давно был готов...

Литература

1. Абрамзон, Т. Е., Петров, А. В. Шуточные новогодние поздравления в русской поэзии первой половины XIX века / Т. Е. Абрамзон, А. В. Петров // Гуманитарно-педагогические исследования. – 2018. – Т. 2. – № 1. – С. 69–80.

2. Еськова, А. С., Петров, А. В. «Часто здесь в юдоли мрачной слезы льются из очей»: лирический «метатекст (не)счастья» в письмах Н. М. Карамзина И. И. Дмитриеву / А. С. Еськова, А. В. Петров // *Мировая литература глазами современной молодежи: сборник материалов III междунар. студенч. научно-практ. конф. / науч. ред. С. В. Рудакова.* – Магнитогорск: Изд-во МГТУ им. Г.И. Носова, 2017. – С. 196–203.
3. Закон Божий для семьи и школы / сост. прот. Серафим Слободской. – Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y., 1987. – 724 с.
4. Кольцов, А. В. Сочинения / А. В. Кольцов. – Минск: Гос. учеб.-пед. изд-во БССР, 1954. – 251 с.
5. Кюхельбекер, В. К. Избранные произведения в двух томах / В. К. Кюхельбекер. – М.-Л.: Сов. писатель, 1967.
6. Петров, А. В. «Миф творения» в «метафизических» и «физико-теологических» стихотворениях русских поэтов конца XVIII – начала XIX вв. / А. В. Петров // *Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина.* – 2011. – № 3 (32). – С. 108–129.
7. Петров, А. В. Оды «на Новый год», или Открытие Времени. Становление художественного историзма в русской поэзии XVIII века: Монография / А. В. Петров. – Магнитогорск: МаГУ, 2005. – 272 с.
8. Петров, А. В., Постникова, Е. Г. Послания «на Новый год» поэта-духовидца С. С. Боброва / А. В. Петров, Е. Г. Постникова // *Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки.* – 2018. – Т. 20. – № 1. – С. 72–80.
9. Последнее стихотворение 100 русских поэтов XVIII–XX вв.: антология-монография / авт.-сост. Ю. В. Казарин. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. – 552 с.
10. Рудакова, С. В. Меж отчаянием и верой (об экзистенциальных и теодицейных мотивах в творчестве Е. А. Боратынского) / С. В. Рудакова // *Церковь и время.* – 2013. – № 3. – С. 205–220.
11. Рудакова, С. В. Мотив смерти в поэтическом мире Е. А. Боратынского / С. В. Рудакова // *Вестник Челябинского государственного университета.* – 2009. – № 34. – С. 91–95.
12. Скатов, Н. Н. Кольцов / Н. Н. Скатов. – М.: Мол. гвардия, 1983. – 287 с.

13. Труды Я. К. Грота. Т. V. Деятельность литературная, педагогическая и общественная. Статьи, путевые впечатления, заметки, стихи, детское чтение. 1837–1889 / изд. под ред. проф. Я. К. Грота. – СПб.: Тип. Министерства Путей Сообщения, 1903. – 628 с.

14. Ясперс, К. Введение в философию / К. Ясперс; пер. с нем.; под ред. А. А. Михайлова. – Мн.: Профилен, 2000. – 192 с.

A. V. KOLTSOV'S "ON NEW YEAR 1842": AN EXPERIENCE
OF THE CONTEXTUAL READING OF "THE LAST POEM"

A. V. Petrov

Abstract

In the article contexts in which meanings of the poem of A. V. Koltsov "On New Year 1842" reveal are described: life and works of the poet, his letters, Russian eonic poetry, "the last poems" of the Russian poets. The hardest life collisions and the communication with the critic V. G. Belinsky make direct impact on conventional (not only romantic) poetics of Koltsov who is moved to "poetry of reality".

Keywords: A. V. Koltsov, the New Year (eonic) poetry, "the last poem", contextual analysis, 1841–1842, epistolary, romanticism, literature and reality

Поступила в редакцию 31.06.2018